

А. Д. Дармаева

Иркутский государственный университет

**Лингвокультурологический аспект
перевода фразеологизмов с бурятского языка на русский
(на материале прозы Ч. Цыдендамбаева)**

Статья посвящена исследованию лингвокультурологического аспекта перевода фразеологии прозы Ч. Цыдендамбаева. Делается попытка выявления взаимосвязи культурной и языковой картины мира. Перевод как прием кросскультурного анализа фразеологической единицы анализируется с точки зрения влияния лингвистических и экстралингвистических факторов на процесс трансформации смыслов художественного текста и с точки зрения способов передачи. Межъязыковые отношения, с учетом структурного и семантического аспектов, представлены в виде классификации соответствий по двум типам: постоянные и варианты, которые применимы, главным образом, к лексическим и фразеологическим соответствиям. Описываются способы применения окказиональных соответствий при переводе безэквивалентной лексики. Выявляется комплекс проблем, возникающий при описании фразеологических соответствий. Анализируются особенности семантики фразеологизмов, релевантные для их перевода, типы соответствий, которые может использовать переводчик, и критерии выбора одного из них в зависимости от характера переводимой единицы.

Ключевые слова: фразеологическая единица, кросскультурный анализ, безэквивалентная лексика, окказиональные соответствия, фразеологический аналог.

Фразеологическая система языка представляет собой национально-самобытное явление, и проблема изучения взаимосвязи языка и культуры становится все более актуальной для современной филологии. Фразеологизмы наряду с пословицами, поговорками и афоризмами отражают национально-культурную семантику. Следовательно, фразеологический материал как объект изучения является важным культурологическим источником.

Язык живет в недрах самой культуры, т. е. внутри социально унаследованной совокупности идей и навыков, характерных для образа жизни культурного сообщества. Интерес народов друг к другу, стремление обогатить свою культуру опытом других, различные политические и экономические причины приводят не

Дармаева Арюна Дугаровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры бурятской филологии факультета филологии и журналистики Иркутского государственного университета (ул. Чкалова, 2, Иркутск, 664025, Россия; daruna73@mail.ru)

только к взаимодействию, но и к миграции народов, их переселению, нередко и столкновению и смешению, а порой и к культурному конфликту. В этих условиях важно использовать позитивные достижения в сфере кросскультурного взаимодействия и усилия людей доброй воли, позволяющие добиться взаимопонимания, терпимости и взаимного уважения участников кросскультурного взаимодействия.

В процессе кросскультурного анализа всегда актуальным остается социокультурный комментарий, который включает историзмы, архаизмы, в нашей работе – фразеологизмы, пословицы и поговорки и т. п.

Перевод как прием кросскультурного анализа фразеологической единицы (ФЕ) должен, на наш взгляд, рассматриваться с точки зрения влияния лингвистических и экстралингвистических факторов на процесс трансформации смыслов художественного текста и формирования условий социокультурного и лингвокультурного взаимодействия, которые способствуют эффективному отражению стиля и замысла писателя.

Художественный перевод с одного языка на другой является одним из средств обогащения языка, литературы, культуры народа. Перевод художественных текстов должен осуществляться с учетом не только исходного (ИЯ) и переводящего (ПЯ) языков, но и с учетом экстралингвистических и этнолингвистических факторов. Подход к изучению текстов должен осуществляться комплексно, как справедливо считает Е. М. Верещагин [Верещагин, 1967, с. 133].

Сложность такого вида творчества, как перевод, заключается в том, что, помимо знания языка оригинального произведения, культуры, истории, обычаев народа-носителя этого языка, переводчик должен оперировать всеми способами перевода, типами соответствий, параллелей, замен и т. п. «Умение отобрать наиболее подходящую, наиболее “естественную” для данного языка форму выражения по сути дела и представляет собой то, что называют “языковым чутьем”, постижением “духа языка”», – отмечает В. Г. Гак [Гак, 1967, с. 37].

В ходе текстологического анализа произведений Ч. Цыдендамбаева мы обращаемся к переводческому опыту известного журналиста и писателя М. Н. Степанова, подчеркивая, что аутентичность его интерпретации основана на интуитивном использовании метода включенного наблюдения в ходе кросскультурного процесса перевода произведений.

Процесс перевода текста с одного языка на другой имеет многообразный и неоднозначный характер, связанный с множеством входящих в него компонентов, таких как: текст – сообщение, предназначенное к передаче, тот, кто передает сообщение, реципиент, посредник, языки – исходный и переводящий.

Стремление к максимальной смысловой и структурной близости перевода к оригиналу приводит к тому, что эквивалентными оказываются не только тексты, объединяемые в процессе перевода, но и отдельные высказывания в этих текстах и не только соотнесенные высказывания, но и составляющие их единицы ИЯ и ПЯ. Общность единиц ИЯ и ПЯ создает предпосылки для установления между ними отношений переводческой эквивалентности, т. е. для регулярного использования одной из них в качестве перевода другой. «Единица ПЯ, регулярно используемая для перевода данной единицы ИЯ, называется переводческим соответствием» [Копыленко, 1982, с. 159].

Стабильным значением обладают чаще всего лексические, фразеологические и грамматические единицы ИЯ, которые реализуются в большом числе высказываний. Деление соответствий на постоянные и варианты применимо, главным образом, к лексическим и фразеологическим соответствиям.

Согласно классификации А. Паршина, регулярные соответствия делятся на две группы: 1) по характеру отношения к переводимой единице ИЯ; 2) по принадлежности исходной единицы и ее соответствия к определенному уровню ИЯ¹.

По первому признаку соответствия делятся на единичные (постоянные) и множественные (вариантные). Единичное соответствие – это наиболее устойчивый постоянный способ перевода данной единицы ИЯ, используемый во всех случаях ее появления в оригинале и относительно независимый от контекста. Такие соответствия имеются, главным образом, у терминов, собственных имен, географических названий, а также у некоторых обиходных слов и словосочетаний: *юумэнэй нэрэ* – ‘имя существительное’, *Байгал* – ‘Байкал’, *ном* – ‘книга’, *модон гэр* – ‘деревянный дом’, *үхэр нюдэн* – ‘смородина’. Множественное соответствие – это несколько регулярных способов перевода данной единицы ИЯ, выбор между которыми определяется условиями контекста. В этих случаях каждое из вариантных соответствий лишь частично передает значение исходной единицы, аналогичной ей по значению: *хабаадал(га)* – ‘причастность, отношение, принадлежность’; *мүнөөнэй* – ‘современный, текущий, нынешний, настоящий’.

Вариантные соответствия могут иметь как однозначные слова, так и различные значения многозначного слова. Например: *Сэхэ* – 1. 1) Прямо; 2) непосредственно; 3) открыто, откровенно; 4) решительно, без колебаний. 2. 1) Прямой; 2) прямой, непосредственный; 3) открытый, явный; 4) прямой, откровенный, правдивый, бесхитростный. 3. Правдивость, правда. *Таһалга* – 1) комната; 2) кабинет; 3) горница, зал; 4) помещение; 5) перегородка [БРС, с. 405].

Нередко вариантные соответствия образуются синонимами или паронимами в ПЯ: *удха* – ‘суть, сущность; смысл, значение, содержание; род, происхождение’; *бэшэгшэ* – ‘пишущий; корреспондент’; *ниидэдэг* – ‘летающий, летательный’.

По второму признаку соответствия переводных ФЕ делятся на лексические, фразеологические и грамматические. В необходимых случаях описываются межуровневые соответствия. Фонемные и морфемные соответствия рассматриваются в составе единиц более высокого уровня. Соответствия на уровне предложения либо включаются во фразеологические, либо рассматриваются как речевые штампы и задаются списком [Пюрбеев, 1969, с. 33].

Понятие соответствия тесно связано с понятием лингвистического и ситуативного контекста, который определяет выбор того или иного соответствия при переводе или отказ от использования известных соответствий и необходимость поиска иных способов перевода. Под лингвистическим контекстом понимается языковое окружение, в котором употребляется та или иная единица языка в тексте.

Различается узкий контекст (микрконтекст: словосочетания, предложения) и широкий контекст (макрконтекст: текстовый контекст). Узкий контекст делится на контекст синтаксический и лексический. Синтаксический контекст – это та синтаксическая конструкция, в которой употребляется данное слово, словосочетание или придаточное предложение. Лексический контекст – это совокупность лексических единиц, слов и устойчивых словосочетаний, в окружении которых используется данная единица.

Ситуативный (экстралингвистический) контекст включает в себя обстановку, время и место, к которому относится высказывание, а также любые факты реальной действительности, знание которых помогает переводчику правильно интерпретировать значения языковых единиц в высказывании.

Перевод при помощи выбора одного из нескольких частичных соответствий является весьма распространенным способом перевода. Мастерство переводчика в значительной степени заключается в умении отыскать ряд соответствий единице

¹ Паршин А. Теория и практика перевода // Журнал «Самиздат». URL: http://zhurnal.lib.ru/w/wagarow_a_s/parshindoc.shtml (дата обращения 23.11.2009).

оригинала и выбрать из этого ряда вариант, наиболее подходящий по условиям контекста. Иногда условия употребления языковой единицы в контексте вынуждают переводчика отказаться от использования регулярного соответствия и найти вариант перевода, наиболее точно передающий значение единицы ИЯ в данном контексте. Нерегулярный, исключительный способ перевода единицы оригинала, пригодный лишь для данного контекста, называется окказиональным соответствием или контекстуальной заменой [Пюрбеев, 1969, с. 35].

Особенно часто окказиональные соответствия используются в стилистических целях для воссоздания художественного эффекта оригинала.

Таким образом, отдельные соответствия используются в переводе с большей или меньшей регулярностью и знание таких соответствий помогает переводчику решить, следует ли их применить в данном конкретном случае или более целесообразно прибегнуть к контекстуальной замене.

Сопоставительный анализ переводов обнаруживает, наряду с языковыми единицами ИЯ, имеющими единичные или множественные соответствия в ПЯ, и такие лексические и грамматические единицы, для которых в ПЯ нет прямых соответствий. Единицы ИЯ, которые не имеют регулярных соответствий в языке перевода, называются безэквивалентными.

В области перевода безэквивалентной лексики применяются следующие типы окказиональных соответствий.

1. Соответствия-заимствования, воспроизводящие в ПЯ форму иноязычного слова: *бочка* – ‘боошхо’; *картошка* – ‘хартаабха’; *платок* – ‘пулаад’. Такие соответствия создаются с помощью переводческого транскрибирования или транслитерации.

2. Соответствия-кальки, воспроизводящие морфемный состав слова или составные части устойчивого словосочетания в ИЯ: *галта буу* – ‘огнестрельное орудие’; *байгаалин үзэгдэл* – ‘явление природы’; *нугаршагүй зориг* – ‘несгибаемая воля’; *хатуу хашалган* – ‘твердый согласный’; *бүхэдэлхэйн* – ‘всемирный’. В данном случае различие между окказиональными и регулярными соответствиями часто оказывается временным. Иногда они используются и в непереводных материалах на ПЯ. В результате соответствующие единицы ИЯ выходят из разряда безэквивалентных, приобретая постоянные соответствия.

3. Соответствия-аналоги, создаваемые путем подыскания ближайшей по значению единицы ПЯ для безэквивалентной единицы ИЯ: *аргашан* – ‘врач’; *шаби* – ‘ученик’; *наймаа* – ‘магазин’; *үдэшэлэн* – ‘вечер’. Как и во многих других случаях применения окказиональных соответствий, близость значений эквивалентных единиц в оригинале и переводе здесь далеко не полная и подобный перевод применим лишь в определенном контексте.

4. Соответствия – лексические замены, создаваемые при передаче значения безэквивалентного слова в контексте с помощью одного из видов переводческих трансформаций при описании процесса перевода. При этом окказиональное соответствие создается путем семантических преобразований значения безэквивалентного слова. Так, при переводе в различных случаях на русский язык бурятского *гэнтын аюул*, не имеющего прямого соответствия, например, в предложении *Гэнтын аюулһаа наһа бараа* в зависимости от широкого контекста могут быть использованы трансформации конкретизации или модуляции (смыслового развития): *Он умер, попав в аварию*; *Он погиб от солнечного удара*; *Он замерз в снегах* и т. д.

5. В случае невозможности создать соответствие указанными выше способами для перевода безэквивалентного слова используется описание, раскрывающее значение безэквивалентного слова при помощи развернутого словосочетания: *түрүүлэгшэ* – ‘глава какой-либо администрации’; *эдээнэй дээжэ* – ‘самое лучшее, свежее из пищи’. Разъяснив однажды значение переводимой единицы, перевод-

чик может в дальнейшем использовать транскрипцию или кальку уже без объяснений.

Таким образом, безэквивалентные слова в конкретных контекстах передаются с помощью указанных способов столь же успешно, как и слова, имеющие постоянные или варианты значения. Комплекс проблем возникает при описании фразеологических соответствий. В теории перевода анализируются особенности семантики фразеологизмов, релевантные для их перевода, типы соответствий, которые может использовать переводчик, и критерии выбора одного из них в зависимости от характера переводимой единицы.

Перевод фразеологическими аналогами «таит в себе определенное противоречие: если переводчик выигрывает в точности передачи содержания, то обычно теряет в образности или же наоборот», – утверждает К. М. Гюлумянц [Гюлумянц, 1972, с. 51–52].

Под фразеологическим аналогом мы понимаем ФЕ ПЯ, имеющую такое же фразеологическое значение и стилистическую и эмоциональную окраску, как и ФЕ ИЯ, но построенную на ином образе и допускающую расхождения в структуре и грамматическом оформлении.

В текстах оригинала обнаружено десять единиц бурятских аналогов. Среди аналогов языка перевода можно выделить подгруппы ФЕ в зависимости от степени близости образа, лежащего в основе ФЕ оригинала и ФЕ перевода (фразеологические соответствия с полным сохранением образности отнесены нами в разряд полных эквивалентов).

1. Фразеологические аналоги, составляющие ФЕ языка перевода, которые по образности являются довольно близкими к фразеологизмам оригинала, но отличающиеся структурно-грамматической организацией, их количество составило пять единиц:

(1) *Хаанай алба татари, элдэб яла түлбэринүүд танише тамална, толгойетнай үргүүлнэгүй гэнэ* (БХД, н. 46) (букв.: вашим головам не дают подняться) ≈ ‘нет житья’ [ФСРЯ, с. 81] или ‘сидят на шее’ [Там же, с. 327].

Ламы, шаманы, говорит, купцы, которые возят чай и далембу, зайсаны, чиновники *сидят на вашей шее...* (ДСБ, с. 64).

Толгойгоо үндылгэхэ (үргэхэ) – ‘почувствовать себя увереннее, появиться чувству собственного достоинства’ (букв.: голову поднимать) [СС, с. 214]. Из примера видно, что структура ФЕ оригинала и перевода отличается, ср.: сущ. + глагол и глагол + предлог + местоимение + сущ.

(2) *Намсал абгайн зосоо хүйтэ дааба* (ХОТ, н. 254) (букв.: внутри холод поднимает) ≈ ‘мурашки побежали по спине’ [ФСРЯ, с. 156].

Намсал-абгай затрясло, как в лихорадке, и *ноги сделались ватными* (ОЗГГ, с. 139).

Зосоо хүйтэ дааха – ‘испытывать неприятное чувство’ (букв.: внутри холод поднимать) [БРФС, с. 48]. Здесь, на наш взгляд, подходит адекватный в русском языке фразеологизм *мурашки побежали по спине*, однако выбор переводчика других ФЕ вполне оправдан более выразительной экспрессией, чем в адекватной ФЕ.

(3) *Буряад хэлээр та бидэ хоёрые долоо дахин худалдажа эдихэ* (ТН, н. 111) (букв.: семь раз продаст, съест) ≈ ‘заткнет за пояс’ [ФСРЯ, с. 215].

Она и по-бурятски научилась – так разговаривает, что нас с тобой пять раз *за кушак заткнет* (ОСЦ, с. 178).

Долоо дахин – ‘на много (лучше, хуже и т. д.)’ (букв.: семь раз) [СС, с. 105]. В данном примере писатель использует контаминацию – вид изменения ФЕ.

М. Степанов в переводе упрощает бурятскую ФЕ ослаблением экспрессии, вносит восточный колорит, заменяя слово *пояс* словом *кушак*.

(4) ...*өөрөө үргэ амаа бүлюүдэжэ ябаха*... (ТНХ, н. 417) (букв.: подбородок рот свой затачивая ходить) ≈ ‘лясы точит’ [ФСРЯ, с. 139].

Держите язык за зубами... (ВОРС, с. 576).

Үргэ амаяа бүлюүдэхэ – ‘лясы точить; вести пустые разговоры’ (букв.: челюсти рот, точить) [СС, с. 277]. Здесь также в переводе наблюдается ослабление эмоционально-экспрессивной окраски.

(5) ...*Манай хубүүдтэ хайша хэрэг хандаа*... (ТНХ, н. 124) (букв.: куда делом) ≈ ‘смотрел сквозь пальцы’ [ФСРЯ, с. 189], ‘спустя рукава’ [Там же, с. 274];

...На наших детей *смотрел сквозь пальцы*... (ВОРС, н. 415).

Хайша хэрэгээр – ‘спустя рукава’ (букв.: куда делом) [БРФС, с. 100]. Переводчик здесь находит более выразительную ФЕ, чем в оригинале.

Так, не во всех приведенных выше аналогах сохранено предметно-понятийное значение ФЕ, их стилистическая, эмоционально-экспрессивная окраска. Встречаются переводы с ослаблением эмоциональной экспрессивности, и наоборот, иногда в переводе ФЕ употребляются более выразительно.

2. Фразеологизмы ПЯ, не имеющие с точки зрения образности ничего общего с ФЕ ИЯ, где происходит полная замена образной основы ФЕ. В данной подгруппе насчитывается пять единиц аналогов:

(6) *Тишгэжэ найдаха гээшэтнай – мухар хүзэг, мунхаг ябадал*... *Худаг соо загаһа губшаһантай адли*... (ХОТ, н. 9) (букв.: куцая вера, неразумное хождение) ≈ ‘слепая вера, ходьба в пустую’.

Надеемся на ржавую подкову – это то же самое, что *гадать на кофейной гуще* (ОЗГГ, с. 9).

Мухар хүзэг – ‘слепая вера (букв.: куцая вера)’ [БРФС, с. 55].

(7) *Зунай үдэр ута, бурханай үдэр олон*... (ББ, н. 7) (букв.: летний день длинный, божьих дней много) ≈ ‘время терпит’ [ФСРЯ, с. 290].

Зима не завтра придет (СПЖ, с. 9).

(8) *Гамгад басагадые һал һуулгахын тулада байһан хубсаһан гэжэ мэдыш!* (ТНХ, н. 15) (букв.: сильно посадить) ≈ ‘пустить пыль в глаза’ [ФСРЯ, 231].

Пыль в глаза прекрасному полу (ВОРС, с. 331).

Һал һууха – ‘сесть от неожиданности, оседать’ [БРС, с. 666]. Из примера видно, что перевод менее образной ФЕ отличается яркой образностью.

(9) «*Тархидаа таряа татаба*» – *гээд заримад тиимэ ушарта хэлэдэг* (ТН, н. 50) (букв.: на своей голове хлеб сеет) ≈ ‘навлекает на себя беду’.

Что посеешь, то и пожнешь – говорится в этом случае (ОСЦ, с. 78).

Тархидаа таряа татаха – ‘навлечь на себя беду’ (букв.: на голове своей зерно молоть) [СС, с. 208].

(10) ...*Тэрэнэй нүхэдэй зарагдаһые зар тунхаг болгохо харюултай*... (БХД, н. 47) (букв.: объявление делать) ≈ ‘оповестить’.

Хэ... Если земли и богатства полно было, зачем они бунт чинили? (ДСБ, с. 65).

Зар тунхаг табиха (гараха) – ‘широко оповещать, объявлять о чем-либо’ [СС, с. 119].

Таким образом, можно отметить хороший уровень переводов ФЕ таким приемом, как фразеологический аналог.

Передаче аналогами поддаются фразеологические единицы оригинала произведений Ч. Цыдендамбаева независимо от степени яркости их образа. При этом соответствие для ФЕ ИЯ в переводе может как совпадать, так и не совпадать по степени сохранения образности.

Особенно следует сказать о трудностях перевода ФЕ, обусловленных национальным колоритом ФЕ и ее компонентов.

Различие в коннотативном значении слов, называющих реалии национального бытия, объясняется расхождением культур народов. Интересны в связи с этим мысли В. В. Виноградова о культурно-исторической функции слова [Виноградов, 1972, с. 13] и Л. В. Щербы, который отмечал, что «при изучении иностранного языка приходится усваивать себе не только новую звуковую форму слов, но и новую систему понятий, лежащую в их основе» [Щерба, 1940, с. 67].

Под термином «реалия» в теории перевода подразумевается «предмет, явление, характерное для истории, культуры, быта, уклада того или иного народа, страны и не встречающееся у других народов; реалия – также слово, обозначающее такой предмет, понятие, явление; также словосочетание (обычно – фразеологизм, пословица, поговорка, присловие), включающее такие слова» [Ройзензон, 1973, с. 227]. По С. Влахову и С. Флорину, реалии – это «слова (и словосочетания), называющие объекты, характерные для жизни (быта, культуры, социального и исторического развития) одного народа и чуждые другому» [Влахов, Флорин, 1980, с. 47]. В лингвострановедении эти наименования называются «безэквивалентными словами» [Верещагин, Костомаров, 1976, с. 71].

О непереводимости реалий пишут С. Влахов, С. Флорин, Я. И. Рецкер, А. Д. Швейцер, Л. С. Бархударов и др. Чешский исследователь И. Левый характеризует их как «*csuges translatorum*» («крестные мухи переводчика, переводческий крест») [Левый, 1974, с. 149]. Непереводимость реалий объясняется уникальностью референта (т. е. компонента ФЕ, не имеющего аналога в другом языке, например: *копейка, рубль, зга* в ФЕ *копейка рубль бережет, ни зги не видно*), а также обусловленной ею коннотацией – специфическими чертами уже не предмета, а его наименования (*копейка, рубль, зга* ассоциируются с русской действительностью) [Влахов, 1975, с. 25]. «...Реалии, как любой компонент ФЕ, утрачивают тем большую часть своей семантики, чем выше слитность компонентов», – пишет С. Влахов [Там же, с. 27].

С. Влахов и С. Флорин указывают на целесообразность перевода таких ФЕ фразеологическими аналогами, так как в противном случае непривычный образ калькированного фразеологизма привлечет к себе внимание больше, чем ФЕ подлинника: «...Важнейшим остается правило (нарушение его может испортить весь перевод) никогда не подменять английский колорит русским или французский болгарским: лучше вообще отказаться от передачи национального облика подлинника, чем рядить кого-либо в кафтан с чужого плеча» [Влахов, Флорин, 1980, с. 204].

Фразеологизмы бурятского языка, имеющие национальный характер, переводятся русскими фразеологическими аналогами без национальной окраски. При этом точно воспроизводится значение ФЕ и исключается всякая возможность «русификации» бурятского текста.

Национальная окраска ФЕ часто приводит к семантическому искажению при переводе бурятских ФЕ русскими аналогами, и чем выше степень этой окраски, тем шире расхождение. Например:

(11) *Зунтэг нохойн тэбиэ, хиирэдэг адуунай ногто болохогүй хөөрөөн...* (ББ, н. 191) (букв.: сумасшедшей собаки блюда, бешеной лошади недоуздка не будет разговор) ≈ ‘праздные, не стоящие ничего беседы’.

Нет, родители об этом не сказали, тянут *пустую*, ненужную *болтовню* (СПЖ, с. 120).

Хооһон хөөрөө дэлгэхэ – ‘разводить бодягу, пустословить’ (букв.: пустой разговор расстилать) [СС, с. 316].

Выбор того или иного аналога зависит не только от знания переводчиком фразеологии языка оригинала, но и от его понимания контекста – важного языкового средства обнаружения и реализации фразеологического значения [Жуков, 1978, с. 22].

Фразеологические аналоги, составляющие ФЕ языка перевода, являющиеся по образности довольно близкими к фразеологизмам оригинала, и фразеологизмы ПЯ, не имеющие с точки зрения образности ничего общего с ФЕ ИЯ, насчитываются одинаковым количеством (по пять единиц). Кроме этого, при переводе аналогами сохраняется предметно-понятийное значение ФЕ, их стилистическая, эмоционально-экспрессивная окраска. Также показательно, что встречаются переводы необразной ФЕ, передающиеся образами, переводы с ослаблением эмоциональной экспрессивности или, наоборот, употребляющиеся более выразительно.

На выбор данного способа перевода значительное влияние оказывает характер национальной окраски ФЕ, ее экспрессивно-стилистические свойства, степень прозрачности ее образа, окружение фразеологизма (контекст).

Таким образом, анализ рассмотренного фразеологического материала показывает, что:

- оптимальным переводческим решением является поиск эквивалентной фразеологической единицы. Но число подобных соответствий в бурятском и русском языках, в том числе в произведениях Ч. Цыдендамбаева, ограничен. Незначительное количество абсолютных фразеологических эквивалентов объясняется, по-видимому, трудностью перевода, связанного с передачей национальной специфики;

- в случае отсутствия эквивалентных соответствий фразеологизму, употребленному в языке оригинала, перевод производится аналогичными фразеологическими единицами, но построенными на иной словесно-образной основе. Кроме этого, может не совпадать стилистическая или эмоциональная окраска;

- когда в языке перевода не находятся фразеологизмы, эквивалентные исходной фразеологической единице, переводчик находит соответствующие по значению и окраске слова, так называемые однословные частичные эквиваленты фразеологизмов.

Нужно отметить необходимость изучения разложения фразеологических единиц в процессе перевода. Не зная и не понимая данный процесс в сопоставляемых языках, переводчик все чаще может сталкиваться с фактом «непереводимости». Важно, чтобы фразеологические замены при переводе отражали национальный колорит языка оригинала. Например, насыщенный фразеологизмами подлинник должен сохранять фразеологическую насыщенность и при переводе.

Каждая фразеологическая единица обладает определенной стилистической функцией, которая зависит от контекста, стиля автора, характера выражения и т. д. Отметим, что именно при переводе и открывается свойственная данному языку специфичность сочетаний, которая иногда остается незамеченной.

В словах, как основной единице языка, находит свое отражение культура. Слова, совпадающие в своем предметном значении, могут обладать дополнительными значениями, обусловленными национально-культурными факторами. Перевод и выделение слов с национально-культурными коннотациями часто представ-

ляют значительную трудность. Национально-культурный компонент своеобразен, по-разному интенсивен и в составе значений единиц бурятского и русского языков, взаимосвязанных по основным компонентам значений. Коннотация реалий выражается в компонентах и оттенках значений слов, в своих эмоционально-экспрессивных выражениях, во внутренней форме слова, и именно она находит несовпадения понятийно сходных слов в сравниваемых языках – все это определяет лингвокультурологическую специфику языковой личности.

Список литературы

- БРС – Бурятско-русский словарь / Сост. К. М. Черемисов. М.: Сов. энцикл., 1973. 804 с.
- БРФС – Бурятско-русский фразеологический словарь / Сост. Ш. Р. Цыденжапов. Улан-Удэ: Закаменская тип. М-ва печати и массовой информ. Бурятской ССР, 1992. 139 с.
- Верещагин Е. М.* Психолингвистическая проблематика теории языковых контактов // Вопросы языкознания. 1967. № 6. С. 122–133.
- Верещагин Е. М., Костомаров В. Г.* Язык и культура. Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Рус. яз., 1976. 248 с.
- Виноградов В. В.* Русский язык (грамматическое учение о слове). 2-е изд. М.: Высш. шк., 1972. 614 с.
- Влахов С.* Из фразеологических параллелей (на примере фразеологических единиц с компонентом «шея») // Теория перевода и научные основы подготовки переводчиков: Материалы всесоюз. науч. конф. Вып. 4, № 1. М.: Изд-во Моск. пед. ин-та иностр. яз., 1975. С. 104–105.
- Влахов С., Флорин С.* Непереводимое в переводе / Под ред. Вл. Россельса. М.: Междунар. отношения, 1980. 342 с.
- Гак В. Г.* Русский язык в зеркале французского // Русский язык за рубежом. 1967. № 3. С. 37–42.
- Гюлумянц К. М.* К вопросу о переводе польских фразеологизмов на русский язык // Вестн. Белорус. гос. ун-та. Сер. 4. Филология. 1972. № 2. С. 49–53.
- Жуков В. П.* Семантика фразеологических оборотов. М.: Просвещение, 1978. 160 с.
- Копыленко М. М.* Вопросы фразеологии. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1982.
- Левый И.* Искусство перевода: Пер. с чешск. М.: Прогресс, 1974. 397 с.
- Пюрбеев Г. Ц.* Об устойчивых сочетаниях слов и фразеологизмов (на материале монгольских языков) // Система и уровни языка. М., 1969.
- Ройзензон Л. И.* Лекции по общей и русской фразеологии: Учеб. пособие. Самарканд: Изд-во Самарканд. ун-та, 1973. 223 с.
- СС – Фразеологические единицы в языке бурятской прозы: Словарь-справочник / Сост. Т. Б. Тагарова. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 2006. 419 с.
- ФСРЯ – Фразеологический словарь русского языка / Под ред. А. И. Молоткова. М.: Сов. энцикл., 1973.
- Щерба Л. В.* Опыт общей лексикографии // Изв. АН СССР. Отд. литер. и яз. 1940. № 3.

Список источников

- БХД – *Цыдендамбаев Ч.* Банзарай хүбүүн Доржо: Роман / Под ред. Б. С. Санжина. Улан Удэ: Бурядайд номой хэблэл, 1968. 394 н.

- ББ – *Цыдендамбаев Ч.* Бурят басаган: Повесть-поэма / Под ред. Ш. Нимбуева. Улан-Удэ: Бурядайд номой хэблэл, 1961. 214 н.
- БОРС – *Цыдендамбаев Ч.* Вдали от родных степей: Роман / Авториз. пер. с бурят. М. Степанова. М.: Сов. писатель, 1964. 416 с.
- ДСБ – *Цыдендамбаев Ч.* Доржи, сын Банзара: Роман в 2 кн. / Авториз. пер. М. Степанова. М.: Сов. писатель, 1981. 608 с.
- ОСЦ – *Цыдендамбаев Ч.* Охапка степных цветов: Рассказы / Сост. М. М. Федоровская; авториз. пер. М. Степанова. Улан-Удэ: Бурятское кн. изд-во, 1981. 288 с.
- ОЗГГ – *Цыдендамбаев Ч.* Охотники за голубыми гусями: Сатир. роман в новеллах / Пер. Л. Парфёнова. М.: Сов. Россия, 1987. 224 с.
- СПЖ – *Цыдендамбаев Ч.* Счастливого пути, Жаргалма: Повесть-поэма / Авториз. пер. М. Степанова. Улан-Удэ: Бурятское кн. изд-во, 1963. 130 с.
- ТНХ – *Цыдендамбаев Ч.* Түрэл нютагһаа холо. Роман. Улан-Удэ: Бурядайд номой хэблэл, 1959. 458 н.
- ТН – *Цыдендамбаев Ч.* Түрэл нютаг: Рассказууд / Под ред. Ш. Нимбуева. Улан-Удэ: Бурядайд номой хэблэл, 1960. 145 н.
- ХОТ – *Цыдендамбаев Ч.* Холо ойрын түрэлнүүд: Роман / Под ред. В. Б. Намсараев. Улан-Удэ: Бурядайд номой хэблэл, 1989. 288 н.

A. D. Darmaeva

**Linguoculturological aspect of translating phraseological units
from the Buryat language into Russian
(based on the prose by Ch. Tsydendambaev)**

The paper considers the linguoculturological aspect of translating the phraseology of the prose by Ch. Tsydendambaev. An attempt is made to reveal the interconnection of the cultural and linguistic picture of the world. Translation as a method of cross-cultural analysis of phraseological units is analyzed from the point of view of the influence of linguistic and extra-linguistic factors on the process of transforming the meanings of a literary text, and from the point of view of the ways of rendering them. With due regard for the structural and semantic aspects, the interlingual relations are represented as the classification of correspondences according to two types: constant and variant, which are mainly applicable to lexical and phraseological correspondences. The author of the paper describes how occasional correspondences are used in the translations of non-equivalent vocabulary. She reveals a set of problems that arise in the descriptions of phraseological correspondences. Analyses are made of the peculiarities of semantics of phraseological units that are relevant to their interpretation, the types of matching that can be used by the interpreter and the criteria of selecting one of them depending on the nature of the unit to be translated.

Keywords: phraseological unit, cross-cultural analysis, non-equivalent vocabulary, occasional correspondences, phraseological analog.

DOI 10.17223/18137083/54/26